СОН МЕРТВЕЦА

Олег Кудряшов

Олег Кудряшов
Сон мертвеца

https://litres.ru/75036237
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если после смерти у тебя останется семь минут, чтобы прожить жизни, которые могли стать твоими? После обычной пятницы Александр открывает глаза посреди опустевшего города Пущино. Перед ним двор, в котором он вырос, а в зеркале старой машины — его собственное лицо в двадцать лет. Вскоре он встречает друга, которого считал погибшим, и видит, какой могла бы стать его жизнь, поступи он когда-то иначе.Так начинается Последний Сон. Александр возвращается к людям, с которыми не успел договорить, и видит, куда могли бы привести решения, которых он так и не принял. В одной из этих жизней он обретает то, о чём когда-то мечтал. В другой ему приходится представить, каково это — никогда не встретить тех, кого он любит. И чем ближе конец Последнего Сна, тем труднее ему ответить на вопрос: если бы он мог остаться в любой из этих жизней, какую бы выбрал?

Сон мертвеца

СОН МЕРТВЕЦА

Предисловие

Вы думаете, что умерли?.. Для тех, кто рядом, всё заканчивается в одно мгновение. Кто-то плачет, кто-то молча смотрит на ваше лицо, кто-то пытается поверить, что больше никогда не услышит ваш голос. А за окном по-прежнему едут автобусы, зажигается свет в соседнем доме, люди спешат домой и строят планы на завтра. Что в это мгновение происходит с вами?

Всю жизнь мы что-нибудь откладываем на потом: звонок старому другу, поездку к родителям, разговор, к которому никак не подберём слов. Нам кажется, впереди ещё достаточно времени. А если в последние мгновения сознания секунда вдруг растянется на целый день? Вы снова услышите голос человека, которого давно нет, почувствуете запах родительского дома, свернёте на улицу, по которой не ходили десятилетиями. И, может быть, встретите там того, кого все эти годы старались забыть.

Представьте, что после последнего удара сердца у вас остаётся семь минут. За это время за окном успеет проехать несколько машин, а вы, может быть, проживёте заново целое лето. Услышите слова, смысл которых поняли лишь годы спустя. Увидите лицо человека, которому тогда не решились

ответить, и вдруг вспомните, что собирались ему сказать.

И если память вернёт вас к тому самому разговору, что случится, если на этот раз вы всё-таки ответите? Вспомните ли вы, что однажды уже прожили этот день и что тогда сделали совсем другой выбор?

Кто знает, сколько жизней успел прожить наш мертвец за эти последние семь минут…

Глава 1. Обычный день.

Утро началось с того, что Александр не смог найти второй носок. Он стоял посреди спальни, придерживая одной рукой пояс домашних брюк, и смотрел на раскрытый ящик комода с таким выражением лица, словно кто-то только что сообщил ему о внезапном исчезновении небольшой, но чрезвычайно важной части мирового порядка. Первый носок лежал на кровати, второй, как он помнил совершенно отчётливо, находился здесь же ещё вчера вечером. Александр даже помнил, как снял его перед сном, потому что зацепился ногой за край одеяла и чуть не упал, после чего Юлия, не отрываясь от телефона, сказала, что когда-нибудь он непременно сломает себе шею из-за собственной торопливости. Теперь носка не было.

— Юль, ты мои носки не видела?

Из кухни донеслось:

— А ты свои вещи когда-нибудь сам видишь?

Александр вздохнул и заглянул под кровать. Там обнаружилась пыль, которую следовало убрать ещё несколько недель назад, крышка от какой-то пластиковой бутылки и старый карандаш, назначение которого он уже не мог вспомнить. Носка не было. Он заглянул за тумбочку, зачем-то приподнял одеяло, хотя прекрасно понимал, что носок не мог самостоятельно забраться внутрь матраса, и только после этого заметил, что второй носок надет на левую ногу. Некоторое время он молча смотрел на собственные ступни. Потом рассмеялся. Смех получился негромким, утренним, ещё не до конца проснувшимся. Александр надел носок с кровати и отправился на кухню, где его уже ждал кофе.

Юлия поставила чашку на стол, рядом лежал кусок хлеба с сыром, а сама она стояла у окна и разглядывала что-то на экране телефона. За стеклом медленно просыпался город. На соседнем доме светились окна, по дороге тянулись машины, а внизу, возле подъезда, мужчина в тёмной куртке пытался одной рукой удержать поводок собаки, а другой — застегнуть ребёнку куртку. Собака явно считала, что утренние дела семьи можно отложить ради куда более интересного исследования ближайшего дерева.

Александр наблюдал за ними, пока Юлия не поставила перед ним сахарницу.

— Ты опять куда-то улетел?

— Нет. Смотрю.

— На что?

— На жизнь.

Юлия наконец оторвалась от телефона и посмотрела на него.

— Тогда смотри внимательно. Она тебе уже кофе остудила.

Он улыбнулся, придвинул чашку и сделал первый глоток. Кофе действительно успел остыть.

Они жили вместе много лет, и за это время между ними образовался особый язык, состоявший из коротких фраз, недосказанностей и шуток, смысл которых вряд ли понял бы посторонний человек. Иногда Александр думал, что именно это и отличает настоящую близость от того, что люди обычно называют любовью. В молодости ему казалось, что любовь должна непременно выражаться в больших словах, поступках, обещаниях, в чём-то таком, что можно было бы вспомнить спустя годы и сказать: вот тогда я понял, что это она. Но жизнь постепенно избавила его от необходимости искать подобные доказательства. Он научился узнавать любовь в том, как Юлия ставила перед ним чашку кофе, хотя прекрасно знала, что он сам мог бы дойти до кофемашины, в том, как она ворчала, когда он поздно возвращался домой, и в том, что даже после долгого дня они по-прежнему могли сидеть рядом, каждый со своим занятием, не испытывая необходимости заполнять тишину словами. Конечно, не всё у них было гладко. Они спорили, иногда по пустякам, иногда по вопросам, которые не решались одним разговором. Александр

мог упрямиться, Юлия — вспыхивать, и порой оба были уверены, что именно другой человек совершенно не желает его понимать. Но со временем они научились не доводить каждую ссору до окончательного приговора. Некоторые обиды проходили сами, другие требовали извинений, а третьи оставались где-то в глубине памяти, постепенно теряя остроту и превращаясь в часть общей истории. На краю стола лежал список, который Юлия начала составлять ещё вчера. Под словом «хлеб» она нарисовала две маленькие подошвы. Он узнал рисунок: такими же подошвами она когда-то пометила на карте дорогу к гостинице, когда они в первый вечер заблудились в чужом городе. Тогда они час искали нужный переулок, а потом вернулись туда на следующий день специально, потому что в переулке пекли хлеб.

— Ты сегодня во сколько вернёшься? — спросила Юлия.

— Постараюсь пораньше.

Она посмотрела на него поверх телефона.

— Это ты вчера тоже говорил.

— Вчера были обстоятельства.

— А сегодня?

— Сегодня обстоятельства ещё не успели появиться.

Юлия покачала головой, но улыбнулась.

Александр допил кофе и посмотрел на часы. Он уже начинал опаздывать. На самом деле времени у него было достаточно, чтобы спокойно одеться, проверить, выключен ли свет в ванной, взять ключи и выйти из квартиры без при-

вычной суеты, однако он всё равно двигался быстрее, чем требовалось. В его возрасте торопиться уже не было особого смысла, но некоторые привычки сохраняются дольше, чем причины, по которым они появились.

У двери он на секунду задержался, проверяя карманы. Телефон. Ключи. Кошелёк. Всё на месте.

— Саш, — окликнула его Юлия.

Он обернулся.

— Что?

Она стояла в проёме кухни, придерживая рукой дверцу шкафа.

— Ты хлеб вечером купи, ладно? А то завтра опять будем завтракать тем, что найдём в холодильнике.

— Куплю.

— И не забудь.

— Юль, я тебе что, ребёнок?

— Нет. Ребёнок хотя бы иногда помнит, что ему поручили.

Он хотел ответить что-нибудь остроумное, но не нашёл подходящих слов и просто рассмеялся. Юлия тоже улыбнулась.

— Давай, философ. Иди уже, пока не начал рассуждать о природе хлеба.

Он вышел, и дверь за ним закрылась. В лифте Александр посмотрел на своё отражение в металлической стенке. Лицо было знакомым до мельчайших подробностей: морщины у

глаз, чуть поредевшие волосы, складка между бровями, появлявшаяся всякий раз, когда он о чём-то задумывался. Он провёл ладонью по подбородку, проверяя, не забыл ли побриться, и остался доволен результатом.

Шестьдесят пять лет. Иногда эта цифра казалась ему совершенно чужой. Не потому, что он чувствовал себя молодым, — тело время от времени напоминало о прожитых годах достаточно настойчиво, — а потому, что внутри он не ощущал себя человеком, которому уже полагалось подводить итоги. В его представлении пожилые люди были кем-то другим: теми, кто сидит на скамейках, кормит голубей, долго рассказывает о прошлом и с осторожностью поднимается по лестнице. Он же по-прежнему мог увлечься новой идеей, рассердиться из-за несправедливости, поспорить о том, в чём не разбирался до конца, и внезапно обнаружить, что уже полчаса размышляет над вопросом, который не имеет никакого практического значения. Разве что теперь он чаще уставал. И всё чаще ловил себя на мысли, что годы проходят быстрее, чем ему хотелось бы.

Лифт остановился. Двери разошлись, выпуская его в подъезд. На улице Александр на секунду задержался возле подъезда, поправил воротник куртки и огляделся. Утро выдалось прохладным, но вполне приятным для конца октября. Небо затянули облака, однако дождя пока не было, а воздух сохранял ту свежесть, ради которой иногда хотелось пройтись пешком, даже если времени оставалось в обрез.

Возле стены дома стоял его электросамокат. Александр отстегнул тросик, снял его с подставки, и привычным движением включил питание. Заряда хватало с запасом: он давно знал свой маршрут и примерно представлял, сколько энергии потребуется на дорогу до офиса и обратно. За годы использования самокат стал для него чем-то вроде личного транспорта, только без необходимости искать парковку, стоять в пробках и тратить время на бесконечные перестроения между рядами автомобилей. Александр вообще любил вещи, которые упрощали жизнь, не требуя взамен слишком много внимания. Самокат был именно таким приобретением. Компактный, манёвренный, достаточно быстрый для городских улиц, он позволял добираться до работы с удовольствием, а не воспринимать дорогу как неизбежную потерю времени.

Разумеется, не все разделяли его энтузиазм. Молодые люди порой посматривали на мужчину его возраста, когда он проезжал мимо на самокате, и Александр иногда ловил на себе удивлённые взгляды. Возможно, кто-то считал, что в шестьдесят пять лет следовало бы передвигаться на автомобиле, а ещё лучше — сидеть дома и беречь здоровье. Но чужие представления о том, как должен выглядеть человек его возраста, занимали Александра примерно столько же, сколько прогноз погоды на следующую неделю. Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы ездить, гулять, заниматься спортом и время от времени позволять себе небольшие приключения. Зачем отказываться от того, что приносит удо-

вольствие, только потому, что в паспорте появилась определённая цифра?

Оттолкнувшись ногой от асфальта, Александр плавно набрал скорость. Первые несколько минут он ехал по знакомой улице, объезжая припаркованные автомобили и внимательно следя за пешеходами. Утренний город постепенно набирал обороты: возле остановки собирались люди, у пешеходного перехода толпились школьники, а водители, торопившиеся на работу, уже начинали нервничать из-за плотного движения. Один из них резко перестроился перед Александром, заставив того сбросить скорость.

— Ну, куда ты летишь, родной? — пробормотал он вслед машине.

Водитель, разумеется, его не услышал, а Александр через несколько секунд уже забыл о случившемся. Он не любил злиться по мелочам. По крайней мере, именно так он привык думать о себе. Иногда, конечно, мог вспылить, сказать что-нибудь резкое или мысленно осудить человека, который, по его мнению, вёл себя совершенно безответственно. Но долго удерживать в себе раздражение ему обычно не удавалось. Мир и без того был переполнен поводами для беспокойства, чтобы дополнительно носить в голове каждую встреченную глупость.

Дорога постепенно выровнялась, и Александр прибавил скорость. Ветер приятно обдувал лицо, а знакомые здания сменяли друг друга, складываясь в привычную картину мос-

ковского утра. Он давно перестал замечать большинство деталей своего маршрута, но иногда, когда мысли немного успокаивались, начинал смотреть по сторонам и обнаруживал, что даже знакомый город способен удивлять. Где-то за ночь открылась новая кофейня, возле старого магазина рабочие устанавливали вывеску, а на месте небольшого пустыря, который ещё недавно казался никому не нужным клочком земли, уже поднимался строительный забор.

Город менялся, люди спешили по своим делам, и у каждого была собственная причина оказаться именно здесь, именно в это утро. Александр редко задумывался о том, насколько мало знает о людях, которых ежедневно встречает на улице. Он видел их лица, одежду, движения, иногда слышал обрывки разговоров, но за всем этим оставались целые жизни, о которых он мог только догадываться. Впрочем, сейчас его мысли занимали совсем другие вещи. Вчера вечером он обещал себе закончить один из собственных проектов, который уже несколько дней откладывал на потом. Работа не была срочной, но Александр знал себя: если позволить задаче слишком долго лежать без движения, она начнёт раздражать одним своим существованием. Поэтому он собирался выделить сегодня немного времени и наконец довести дело до конца. Возможно, удастся закончить пораньше, а вечером они с Юлией спокойно поужинают и посмотрят какой-нибудь фильм. На выходных у них тоже были планы. Александр давно хотел выбраться с женой в парк, а если погода поз-

волит, можно будет прокатиться на самокатах и заглянуть в одно из кафе, где они иногда покупали кофе и мороженое. Такие прогулки нравились им обоим. В них не было ничего особенного, зато не требовалось никуда торопиться, подстраиваться под чужие ожидания или заранее придумывать, чем заполнить свободное время.

В молодости Александр представлял себе счастье несколько иначе. Ему казалось, что для него необходимы большие события, достижения, путешествия, какие-то особенные дни, которые потом можно будет вспоминать всю жизнь. Теперь он всё чаще замечал, что самые приятные моменты обычно складываются из простых вещей: хорошей погоды, неспешной прогулки, разговора с близким человеком или возможности провести несколько часов так, как хочется именно тебе. Он не стал бы утверждать, что полностью разобрался в жизни. Чем старше становился, тем меньше ему хотелось произносить подобные фразы.

Александр объехал небольшую выбоину, пересёк перекрёсток и вскоре оказался на знакомом участке дороги, ведущем к деловому кварталу. Здесь движение становилось плотнее, поэтому он сбросил скорость и внимательнее посмотрел по сторонам. На тротуаре мужчина в деловом костюме разговаривал по телефону, размахивая свободной рукой, а возле входа в кофейню молодая девушка пыталась одновременно удержать стаканчик, сумку и зонт, который никак не желал складываться.

Александр улыбнулся. Каждое утро город устраивал маленькое представление, в котором никто не знал своей роли заранее, но все почему-то продолжали играть так, словно сценарий давно был написан.

Через несколько минут показалось здание, где располагался его офис. Александр свернул к удобному месту у входа, плавно затормозил и поставил самокат на подножку. Он провёл ладонью по волосам, достал телефон и посмотрел на время. До начала рабочего дня оставалось несколько минут.

— Ну что, — сказал он сам себе, — посмотрим, какие неприятности сегодня приготовит нам пятница.

С этими словами он направился к дверям здания.

В офисе уже кипела работа. За стеклянными перегородками горели мониторы, кто-то разговаривал по телефону, из небольшой кухни доносился звук кофемашины. В воздухе смешались запахи свежего кофе, разогретой еды и чего-то сладкого — кажется, кто-то с утра принёс пирог и оставил его на общем столе.

Александр поздоровался с охранником, поднялся на свой этаж и направился к рабочему месту. По дороге он успел обменяться парой фраз с коллегами, выслушать жалобу на очередное обновление рабочей программы и пообещать помочь разобраться с макетом, который почему-то отказывался нормально отображаться на экране заказчика. Ничего необычного. Обычное утро в обычном офисе.

Он поставил рюкзак под стол, подключил телефон к за-

рядке и включил компьютер. Пока загружались программы, снял куртку, повесил её на спинку кресла и оглядел пространство вокруг.Несколько лет назад он мечтал о собственном кабинете, потом решил, что кабинет — это лишняя изоляция, а теперь был вполне доволен своим местом у окна. Отсюда открывался вид на соседние здания, парковку и узкую полоску неба, которую в последнее время всё чаще загораживали новые дома.

Когда-то Александр любил наблюдать за тем, как меняется город. Ему казалось, что он сам немного участвует в этих переменах: придумывает оформление, создаёт образы. Однажды он переделал указатели для небольшого выставочного зала и на открытии увидел, как женщина с тростью, даже не замедлив шага, нашла вход, который раньше все принимали за служебный. Она, конечно, ничего не знала об этих указателях и прошла мимо него, не обернувшись. Александр ещё постоял у стены, наблюдая, куда пойдут следующие посетители. С тех пор, глядя на очередной макет, он первым делом пытался представить, что увидит человек, у которого нет времени рассматривать его работу.

На экране появилось уведомление о совещании. Александр посмотрел на часы, открыл папку с проектами и вздохнул. Совещания он не любил не потому, что считал их пустой тратой времени. Просто за годы работы он научился заранее угадывать, как всё будет происходить: сначала кто-нибудь предложит очевидное, потом другой человек объяс-

нит, почему это невозможно, затем третий попытается примирить первые две стороны, а в конце Александр откроет макет и покажет, что можно сделать на самом деле. Иногда ему казалось, что его должность ведущего дизайнера заключалась преимущественно в том, чтобы возвращать людей с небес на землю, не отбивая у них при этом желания летать.

Он открыл презентацию нового рекламного проекта. Заказчик продавал загородные дома и хотел, чтобы реклама выглядела одновременно дорого, душевно, современно и доступно каждому. Александр уже давно заметил, что подобные пожелания обычно означали одно: клиент сам не до конца понимал, чего хочет, но надеялся узнать это, когда увидит готовый результат.

В переговорной постепенно собирались сотрудники. Екатерина, руководитель проектного направления, принесла ноутбук и бутылку воды. Денис, молодой дизайнер, устроился напротив Александра, положил перед собой блокнот и с таким выражением лица открыл презентацию, словно собирался защищать дипломную работу перед комиссией, от решения которой зависела вся его дальнейшая жизнь.

Александр невольно улыбнулся. Он помнил себя в этом возрасте. Тогда любое замечание старшего коллеги могло испортить ему настроение на весь день, а удачно принятая идея казалась доказательством того, что он наконец-то чего-то стоит. С годами он стал спокойнее относиться к чужим оценкам. Не сразу, конечно. Просто однажды понял, что да-

же хорошая работа не всегда нравится заказчику, а плохая иногда получает одобрение исключительно потому, что человек, принимающий решение, не хочет спорить.

— Ну что, друзья, — сказала Екатерина, открывая встречу, — давайте посмотрим, что у нас получилось. Денис, показывай.

Денис вывел презентацию на большой экран. Первые слайды Александр рассматривал молча. В целом работа была неплохой: молодой дизайнер удачно подобрал фотографии, выдержал единый стиль, не перегрузил композицию лишними деталями. Но уже на третьем слайде появилась проблема. Заголовок спорил с изображением, мелкий текст терялся на светлом фоне, а главный рекламный посыл растворялся среди декоративных элементов.

Александр наклонился вперёд.

— Подожди, вернись на предыдущий слайд.

Денис послушно переключил изображение.

— Вот здесь. Что ты хотел сказать этим заголовком?

— Что загородный дом — это место, где человек может отдохнуть от города. Вернуться к природе, к семье, к себе.

— Хорошо. А что человек должен увидеть первым?

— Дом.

— А что он видит первым сейчас?

Денис посмотрел на экран.

— Заголовок.

— Нет. Он видит сразу всё. И поэтому не видит ничего.

В переговорной стало тихо. Александр не сразу заметил, как Денис выпрямился и перестал улыбаться. Для него это была привычная рабочая формулировка, почти профессиональный рефлекс. Он не собирался обижать молодого коллегу, просто хотел быстрее добраться до сути.

— У тебя хорошая фотография, — продолжил Александр. — Она сама по себе продаёт идею. Не нужно навешивать на неё столько украшений. Убери лишнее, оставь главное. И ещё: не пытайся объяснить человеку, что он должен почувствовать. Создай условия, чтобы он сам это почувствовал.

Денис кивнул и сделал несколько заметок.

— Понятно. Переделаю.

— Не просто переделай. Подумай, почему ты сделал именно так. Если поймёшь причину, в следующий раз не придётся наступать на те же грабли.

Сказав это, Александр перешёл к следующему слайду. Он не заметил, что Екатерина на мгновение отвела взгляд от экрана и посмотрела на Дениса. Молодой дизайнер записывал замечания, но теперь старался не встречаться глазами с Александром.

Совещание продолжалось ещё около сорока минут. Обсудили сроки, бюджет, фотографии, которые следовало заменить, и дополнительные варианты для рекламной кампании. Александр предложил несколько решений, Екатерина уточнила детали, остальные сотрудники внесли свои замечания.

К концу встречи стало понятно, что проект можно довести до ума без серьёзных переделок.

Когда все начали расходиться, Александр задержался у экрана, чтобы ещё раз посмотреть на первый вариант композиции.

— Слушай, Денис, — обратился он к молодому коллеге, — если хочешь, можешь потом подойти ко мне. Покажу, как я обычно разбираю подобные макеты.

— Хорошо, спасибо, — ответил тот.

Ответ прозвучал вежливо, но как-то слишком быстро. Александр решил, что Денис торопится вернуться к работе, и не придал этому значения. Он вообще не любил долго размышлять о том, какое впечатление производит на окружающих. Не из равнодушия — просто считал, что взрослые люди должны говорить прямо, а не искать скрытый смысл в каждом слове и взгляде. Если человек хотел что-то обсудить, он мог подойти и сказать. Александр был готов выслушать, помочь, поспорить. Но угадывать чужие переживания по выражению лица никогда не считал своей обязанностью.

Вернувшись к своему столу, Александр открыл почту. Там уже лежали три письма от заказчика, два сообщения от сотрудников и одно напоминание о необходимости согласовать отпуск на следующий год. Последнее заставило его усмехнуться. Отпуск на следующий год. Как будто сама жизнь гарантировала, что всё пойдёт по расписанию. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в окно. На улице по-

прежнему было светло, люди двигались по тротуарам, машины ползли в сторону перекрёстка. В соседнем здании кто-то мыл окна, медленно перемещаясь вдоль стеклянной стены. Александр некоторое время наблюдал за ним, а потом вернулся к работе.

До обеда он успел внести правки в два проекта, ответить на письмо руководства и помочь сотруднице из соседнего отдела восстановить потерянную версию презентации. Заодно выяснил, что пирог на кухне был яблочным, и съел кусок, хотя с утра обещал себе ограничиться кофе и нормальным обедом.

— Ты же говорил, что следишь за питанием, — заметила Екатерина, встретив его у кофемашины.

— Я слежу, — ответил Александр. — Просто пирог тоже за мной следит.

Она рассмеялась.

— Удобная система.

— Главное — правильно распределять ответственность.

Екатерина налила себе кофе и прислонилась к столешнице.

— Слушай, можно тебя кое о чём спросить?

— Если это про пирог, то я не знаю, кто его принёс.

— Нет, не про пирог. Про Дениса.

Александр посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— А что с ним?

— Ты ведь понимаешь, что он старается?

— Конечно. Поэтому я и объясняю ему, что нужно исправить.

— Ты объясняешь хорошо. Только иногда так, что после твоих объяснений человеку хочется не исправлять работу, а провалиться сквозь пол.

Александр нахмурился.

— Я что, сказал что-то обидное?

— Ничего особенного. В том-то и дело. Ты просто задаёшь вопросы, на которые у него пока нет хороших ответов, и ждёшь, что он их найдёт. А когда не находит, смотришь так, будто он забыл, с какой стороны держать карандаш.

— Я так смотрю?

— Именно так.

Он хотел возразить, но промолчал. Екатерина не была человеком, который придумывал проблемы ради разговора. Если она решила сказать ему об этом, значит, действительно что-то заметила.

— Я же не собирался его унижать, — произнёс Александр после паузы.

— Я знаю. И Денис, скорее всего, тоже понимает, что ты не желаешь ему зла.

Александр посмотрел на чашку в своей руке. Кофе уже почти остыл.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я подумаю.

Екатерина кивнула, словно большего и не требовалось, и вернулась к своему кабинету. Александр остался у окна. Ему

не понравился этот разговор, но не потому, что Екатерина его раскритиковала. Он уважал её мнение и знал, что она умеет видеть то, что другие пропускают. Неприятным было другое: ему казалось, что он всегда старался быть справедливым. Он не придирался к людям из личной неприязни, не присваивал чужих заслуг, не требовал того, чего не мог сделать сам. Если работа была плохой, он говорил об этом. Если хорошей — хвалил. Что ещё от него требовалось? В молодости он встречал начальников, которые унижали подчинённых ради собственного удовольствия, и всегда обещал себе, что никогда не станет таким. Он ведь не кричал, не оскорблял, не хлопал дверями. Он просто говорил правду. Одно дело — показать человеку ошибку, другое — заставить его почувствовать себя ошибкой. Мысль показалась Александру неприятной и слишком сложной для обычного рабочего дня. Он допил остывший кофе, выбросил бумажный стаканчик и вернулся к компьютеру.

До конца дня оставалось ещё много времени. Впереди были новые письма, очередные правки, разговоры с заказчиками и десятки мелочей, которые никто не заметит, если всё будет сделано хорошо. Вечером он заберёт самокат, поедет домой, по дороге купит хлеб, как просила Юлия, а потом они, вероятно, посмотрят какой-нибудь фильм или просто посидят на кухне, обсуждая прошедшую неделю. Ничего особенного. Александр не знал, что даже самые обычные разговоры, случайные замечания и мимолётные встречи од-

нажды могут оказаться важнее событий, которые в момент своего появления кажутся судьбоносными. Человек редко замечает, сколько следов оставляет в чужой жизни. Ему кажется, что он просто работает, разговаривает, торопится домой, иногда бывает резким, иногда помогает, иногда не находит нужных слов. Он не видит всей картины и потому не может знать, какой именно момент запомнится другому человеку на долгие годы. Александр тоже не видел этой картины. Он просто открыл следующий файл и продолжил работу.

Телефон завибрировал на столе, когда Александр как раз заканчивал очередную правку. На экране высветилось имя сына.

— Привет, отец! Не отвлекаю?

— Если ты звонишь сообщить, что наконец-то решил стать гонщиком, то нет. Если просить денег на спортивный байк, то я занят.

— Ясно. Значит, настроение хорошее.

— Пока да. Что случилось?

— Да ничего особенного. Слушай, ты не помнишь, у нас остались фотографии с Муостаха? Ну, когда ты там служил. Не те, что в альбоме у бабушки, а вообще все, какие есть.

Александр откинулся на спинку кресла. Название острова мгновенно вызвало в памяти запах сырой одежды, скрип снега под ногами и глухой шум ветра, который даже в помещении словно находил щели, чтобы напомнить о своём присутствии.

— А тебе зачем?

— Да я тут кое-что разбираю, наткнулся на старую фотографию. Захотелось посмотреть остальные. Ты же рассказывал, что у тебя там целая пачка была.

— Была. Где-то должна лежать. А что за фотография?

— Я тебе потом покажу. Слушай, а ты помнишь, как рассказывал про медведя? Который к вашему зданию подходил?

— Конечно, помню. Такое не каждый день увидишь, особенно когда ты находишься внутри помещения и очень надеешься, что дверь закрыта на хороший замок.

— Ты тогда испугался?

Александр усмехнулся.

— Нет, конечно. Я вышел, погладил его по голове, спросил, как дела, и предложил чай.

— Вот я так и думал, — рассмеялся Олег. — Ладно, серьёзно.

— Серьёзно? Конечно, испугался. Я не был настолько глуп, чтобы считать белого медведя большим пушистым котом. Он выглядел спокойно, но спокойствие дикого животного ничего не гарантирует. Мы старались держаться подальше и лишний раз не привлекать его внимания.

— А он близко подошёл?

— Близко. Настолько, что потом ещё долго хотелось проверить, надёжно ли закрыты все двери.

Олег засмеялся, и Александр поймал себя на том, что улыбается вместе с ним. Ему нравились такие разговоры. Сын

давно вырос, у него были собственные дела, заботы и планы, но иногда достаточно было одного телефонного звонка, чтобы между ними снова возникало то простое чувство близости, которое не требовало никаких объяснений. Они не всегда понимали друг друга. Александр мог дать непрошеный совет, когда Олегу требовалось всего лишь выговориться, или начать объяснять, как правильно поступить, хотя сын уже всё решил. Олег в ответ иногда отшучивался, иногда раздражался, а иногда просто менял тему. Но серьёзных обид между ними не оставалось надолго. По крайней мере, Александр привык так думать.

— Ладно, — сказал он. — Вечером посмотрю. Если найду, сфотографирую и отправлю.

— Спасибо! И если есть что-нибудь с радиостанцией, тоже пришли. Мне интересно, как вы там жили.

— Там было не так много интересного, как тебе кажется. Холод, ветер, работа, сон. И снова холод, ветер, работа.

— Ты всегда так говоришь, а потом начинаешь рассказывать что-нибудь такое, чего ни в одном фильме не покажут.

— Потому что фильм — это фильм. А мы тогда просто пытались нормально прожить очередной день.

Олег ненадолго замолчал.

— Слушай, а ты счастлив был там?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Александр не сразу нашёлся с ответом.

— В каком смысле?

— Ну, вообще. В тот период жизни. Ты ведь был молодой, далеко от дома, на краю света. Неужели тебе там нравилось?

Александр посмотрел на экран компьютера, где оставался открытым рекламный макет загородного дома. На фотографии за стеклянной дверью стоял мужчина с чашкой кофе и смотрел на зелёный участок. Рядом играли дети. Идеальная картинка идеальной жизни, созданная для того, чтобы незнакомый человек захотел заплатить за неё несколько миллионов.

— Знаешь, — медленно произнёс Александр, — тогда я особо не задумывался, счастлив я или нет. У меня были обязанности, которые нужно было выполнять. Были люди, с которыми я работал. Было ощущение, что впереди ещё вся жизнь и что я обязательно успею сделать всё, что задумал. Наверное, я просто жил.

— И всё?

— А ты хотел услышать, что каждую ночь я выходил на берег, смотрел на звёзды и размышлял о смысле человеческого существования?

— Ну, хотя бы иногда.

— Иногда размышлял. Но чаще думал о том, как бы согреться и выспаться.

Олег снова засмеялся.

— Ладно, отец, не буду отвлекать. Жду фотографии.

— Получишь. Если только твоя бабушка не решила, что все мои старые вещи давно пора выбросить.

— Тогда позвони ей.

— Всё, давай.

— Давай. И спасибо.

Звонок закончился. Александр ещё несколько секунд держал телефон в руке, словно собирался что-то добавить, а затем положил его на стол. Сын задал простой вопрос, но ответить на него оказалось непросто. Был ли он счастлив на Муостахе? Наверное, да. Или, точнее, там были моменты, которые он теперь вспоминал с теплом. Однако тогда они не казались ему счастливыми. Обычный ужин в тесной комнате, разговор с сослуживцем, короткая прогулка между сменами, возможность услышать по радио знакомый голос — всё это воспринималось как часть повседневности. Никто не останавливался посреди дня, чтобы торжественно объявить: запомни эту минуту, однажды ты будешь по ней скучать. Если бы человек мог заранее знать, какие мгновения станут для него драгоценными, он, вероятно, проживал бы их иначе. Но тогда исчезло бы само ощущение обычной жизни. Каждое прощание превратилось бы в событие, каждый разговор — в попытку сохранить слова, каждый вечер — в страх перед следующим утром. Возможно, именно поэтому память не открывает нам будущее. Мы должны жить, не зная, что именно потеряем.

Александр покачал головой, словно отгоняя неуместные мысли, и снова посмотрел на часы. До обеда оставалось около двадцати минут. Он мог бы прямо сейчас написать ма-

тери и попросить её поискать фотографии, но решил отложить это до вечера. Дома у него хранились старые коробки с документами, письмами и снимками, которые он годами собирался разобрать. Часть лежала в шкафу, часть — на антресолях. Каждый раз, когда он открывал одну из этих коробок, находилось что-нибудь, что заставляло его отвлечься от первоначальной цели. Старые фотографии обладали странным свойством. Сначала ты просто хочешь вспомнить, как выглядело какое-то место или кто стоял рядом с тобой, а потом обнаруживаешь, что рассматриваешь лицо человека, которого не видел тридцать лет. Ты помнишь его голос, манеру смеяться, привычку поправлять воротник, но уже не можешь точно сказать, о чём вы разговаривали в последний раз. И вдруг понимаешь, что человек, который когда-то был частью твоего мира, теперь существует преимущественно в твоей памяти. Александр не любил подобных мыслей. Не потому, что они пугали его, а потому, что от них не было никакой практической пользы. Прошлое нельзя исправить, а переживать о том, что уже случилось, он считал занятием неблагодарным. Нужно было жить дальше, делать то, что можешь, и не тратить слишком много сил на то, чего уже не изменить. Эта мысль не раз помогала ему в трудные времена. Она же иногда мешала ему возвращаться к разговорам, которые стоило бы закончить, и к вопросам, на которые он предпочитал не отвечать даже самому себе. Александр открыл новый файл и снова принялся за работу.

Вскоре пришло время обеда. Коллеги собрались на кухне, кто-то достал контейнер с домашней едой, кто-то заказал доставку. Александр разогрел принесённую из дома курицу с гречкой, сел у окна и почти сразу оказался втянут в разговор о предстоящих выходных.

— Мы с женой хотим за город выбраться, — рассказывал один из сотрудников. — Снять домик на сутки, шашлыки, баня. Надоело сидеть в квартире.

— Ты же в прошлые выходные говорил то же самое, — заметила Екатерина.

— В прошлые выходные мы никуда не поехали.

— Почему?

— Потому что жена сказала, что устала и хочет отдохнуть дома.

— А в эти выходные?

— В эти выходные она уже хочет за город.

Александр усмехнулся.

— Семейная жизнь — это когда ты постоянно планируешь отдых, чтобы потом отдохнуть от его организации.

— А вы с Юлией куда-нибудь собираетесь? — спросила Екатерина.

— Пока не решили. Может, просто покатаемся.

— На самокатах?

— А что? Очень даже неплохой способ провести день. Не надо искать парковку, стоять в пробках, ругаться с навигатором. Сел и поехал.

— До первой лужи.

— Лужи — это вопрос правильного выбора маршрута.

— А если дождь?

— Тогда правильный выбор маршрута заключается в том, чтобы остаться дома.

Разговор перешёл на погоду, потом на отпуск и цены на билеты. Александр слушал вполуха, время от времени вставляя реплики. Ему нравились эти обеденные разговоры, хотя он редко вспоминал их содержание спустя несколько дней. Они создавали ощущение привычного порядка: люди собирались, шутили, жаловались, спорили, а затем возвращались к своим столам и продолжали делать то, что должны были делать. Иногда Александр задумывался, что за пределами офиса каждый из этих людей жил совершенно отдельной жизнью. У каждого были свои страхи, семейные проблемы, воспоминания, несбывшиеся мечты и маленькие радости, о которых остальные даже не подозревали. Он знал, кто из коллег женат, у кого дети, кто собирается переезжать и кто постоянно опаздывает по утрам. Но этого было недостаточно, чтобы по-настоящему знать человека. Впрочем, он и не пытался. Работа была работой, личная жизнь — личной жизнью. Так было удобнее всем.

После обеда день ускорился. Заказчик прислал новые комментарии, менеджер попросил срочно подготовить дополнительный вариант баннера, а Денис написал Александру сообщение с вопросом по композиции. Александр от-

крыл прикреплённый макет, посмотрел на него и начал печатать ответ. Потом остановился, перечитал написанное и удалил последнюю фразу, которая показалась ему слишком резкой. Он вспомнил разговор с Екатериной. «Не нужно объяснять человеку, что он должен почувствовать. Создай условия, чтобы он сам это почувствовал». В работе эта формула казалась ему вполне разумной. С людьми всё было сложнее. Он написал Денису несколько конкретных замечаний, предложил два варианта решения и добавил, что в целом направление выбрано правильно. Отправив сообщение, Александр удовлетворённо кивнул. Вот и всё. Ничего сложного. Через пару минут пришёл ответ: «Спасибо! Теперь понял, что нужно сделать».

Александр вернулся к своему проекту. Чуть позже на общем принтере зашуршала бумага. Денис вернулся с двумя листами, положил один перед Александром и прикрыл ладонью верхнюю часть снимка. «Смотрите, если убрать заголовок отсюда, видно, что свет горит только в одном окне. Я утром сам этого не заметил». Александр вынул лист из-под его руки и отодвинул подальше, на край стола. Оттуда окно было видно ещё лучше. Он хотел сказать, что об этом и говорил на совещании, но спросил, какой из вариантов Денис сам отправил бы заказчику. Тот указал на второй. Он просто старался закончить работу до вечера, чтобы не задерживаться в офисе и не заставлять Юлию ждать ужина.

В половине пятого он проверил телефон. Новых сообще-

ний не было. Юлия прислала утром фотографию списка покупок. Хлеб, молоко, что-то к чаю. Ничего, что требовало бы особых усилий. Он ответил коротким сообщением: «Помню. Куплю». Затем снова посмотрел в окно. Небо постепенно затягивалось облаками. Ветер шевелил кроны деревьев у парковки, люди ускоряли шаг, некоторые уже доставали зонты. Александр прикинул, хватит ли заряда самоката на дорогу домой, и решил, что хватит. Если дождь все же начнется, придётся ехать осторожнее. Он ещё не знал, что вечером, разбирая старые фотографии, задержится на одном снимке дольше, чем собирался. Не знал, что привычный маршрут домой, знакомые улицы и обычный разговор с женой станут последними страницами его прежней жизни. И уж точно не мог представить, что однажды ему придётся возвращаться к сегодняшнему дню не как к воспоминанию, а как к части загадки, которую невозможно решить, просто перебирая события в правильном порядке. Пока же всё было на своих местах. Компьютер работал. Коллеги обсуждали сроки. За окном шумел город. В телефоне лежал список покупок, а дома его ждала Юлия. Александр посмотрел на часы и сохранил файл.

Рабочий день постепенно подходил к концу. В офисе становилось тише: одни сотрудники уже разошлись, другие торопливо сохраняли последние изменения в проектах, а кто-то, как обычно, откладывал сборы до самой последней минуты. Александр тоже не спешил. Он проверил почту, от-

правил несколько файлов заказчику, убедился, что Денис получил все необходимые комментарии, и закрыл рабочие программы. Тучи все же разошлись, и за окном стоял тёплый солнечный вечер. После нескольких часов за компьютером особенно приятно было выбраться на улицу, почувствовать свежий воздух и наконец, перестать смотреть на экран. Александр потянулся, размял затёкшую шею и взглянул на часы. Пора. Он сохранил документы, выключил монитор, убрал телефон в карман и накинул куртку. Сегодня он действительно мог уехать со спокойной душой: срочных задач не осталось, а всё, что требовало внимания, вполне могло подождать до понедельника.

— Ну что, домой? — раздался голос Екатерины, когда Александр проходил мимо её стола.

— Именно. Рабочая неделя официально завершена.

— Завидую. Мне ещё отчёт дописать.

— Не завидуй. Отчёт никуда не убежит. А вот пятница уходит безвозвратно.

— Философ, — улыбнулась Екатерина.

— С возрастом положено.

Он попрощался с коллегами и направился к выходу. В коридоре уже почти никого не было. У поста охраны сидел тот же сотрудник, который встречал его утром.

— Ну что, Александр, наконец-то домой?

— Ага. Сегодня решил не задерживаться до глубокой ночи.

— Правильно. Пятница всё-таки. Хороших выходных!

— И вам спокойной смены.

Александр толкнул стеклянную дверь и вышел на улицу. Воздух оказался удивительно приятным. Солнце ещё не успело скрыться за зданиями, асфальт после дневного тепла сохранял мягкое тепло, а лёгкий ветерок приятно освежал лицо. Александр на секунду остановился, посмотрел на небо и невольно улыбнулся. В такие вечера особенно остро ощущаешь, что рабочая неделя закончилась и впереди есть целых два дня, которые можно провести так, как захочется. У стены здания стоял его электросамокат. Александр снял его с замка, проверил заряд аккумулятора. Заряда хватало с большим запасом. При желании он мог бы даже вернуться в офис, если бы вдруг забыл что-нибудь важное, но сегодня возвращаться совершенно не хотелось. Он встал на платформу, оттолкнулся ногой и плавно набрал скорость.

Самокат тихо катился по ровному асфальту. Александр держал руки на руле и следил за дорогой. В такие минуты ему нравилось оставаться наедине с собой. Не нужно было отвечать на сообщения, принимать решения, кому-то что-то объяснять. Только дорога, движение и собственные мысли. Иногда это напоминало ему пробежку, которую он тоже любил именно за возможность отключиться от повседневной суеты. Не обязательно сидеть в позе лотоса и пытаться очистить голову от всех мыслей. Порой достаточно просто заняться тем, что тебе нравится, и позволить им течь своим че-

редом. Он вспомнил разговор с Олегом. Надо будет вечером достать старые фотографии. Интересно, что именно сын там нашёл и почему вдруг заинтересовался тем периодом. Может, просто захотелось узнать что-то о прошлом отца. Такое бывает. Сам Александр в молодости тоже не слишком интересовался историями родителей, а теперь иногда ловил себя на мысли, что с удовольствием расспросил бы их о вещах, которые раньше казались совершенно неважными. Потом он подумал о завтрашнем вечере. Ресторан, красное вино, музыка. Они с Юлией давно никуда не выбирались вдвоём. Воскресенье можно было оставить для прогулки, если погода не подведёт. Возможно, возьмут самокаты и прокатятся по парку, заглянут в кафе, купят мороженое. Ничего грандиозного, но именно такие выходные им обоим нравились.

Впереди показался небольшой продуктовый магазин. Александр вспомнил утреннюю просьбу Юлии и свернул к парковке.

— Хлеб, — произнёс он вслух, словно боялся забыть.

Купив батон и ещё кое-что из мелочей, он убрал покупки в рюкзак и снова отправился в путь. Город жил своей обычной вечерней жизнью. Машины двигались по дорогам, люди возвращались с работы, возле остановок собирались небольшие группы пассажиров. Где-то играла музыка из открытого окна автомобиля, на тротуаре молодая пара о чём-то оживлённо спорила, а пожилой мужчина выгуливал собаку, которая совершенно не желала идти в выбранном хозяином на-

правлении. Александр проезжал мимо и невольно улыбался.

Спустя несколько минут он вдруг почувствовал что-то странное. Сначала это было едва заметное беспокойство, словно он о чём-то забыл. Александр попытался вспомнить, не оставил ли открытым какой-нибудь рабочий файл, не забыл ли отправить письмо или не пропустил ли важный звонок. Вроде бы всё было сделано. Он даже достал телефон на ближайшей остановке и проверил уведомления. Ничего необычного. «Странно. Что-то я сегодня какой-то дёрганый», — подумал он и убрал телефон обратно. Подобное состояние иногда возникало после бессонной ночи или нескольких дней неправильного режима. В голове появлялись случайные образы, мысли перескакивали с одного на другое, а привычные вещи вдруг начинали казаться непривычными. Александр не придавал этому особого значения. В конце концов, ему было уже не двадцать лет, и организм порой напоминал об этом без всякого предупреждения.

Он снова поехал. Волнение не исчезло, но и сильнее не становилось. Перед поворотом к дому он вдруг поймал себя на том, что слишком крепко держит руль. Разжал пальцы по одному, как делал в холодную погоду, когда начинали неметь руки. В этот раз пальцы были тёплые. «Может, давление? Или просто устал. Хотя какой там устал, весь день за компьютером просидел». Он усмехнулся собственной мысли и прибавил скорость.

Вскоре знакомые улицы привели его к дому. Александр

сбавил ход, свернул во двор и остановился возле подъезда. На этот раз он решил взять самокат с собой. В лифтовом холле было тихо. Александр нажал кнопку вызова и посмотрел на табло. Кабина находилась где-то наверху. Он поставил самокат рядом, переложил пакет в другую руку и стал ждать. Лифт не спешил. «Ну конечно. Именно сегодня ему приспичило застрять на верхних этажах», — подумал Александр. Через некоторое время кабина всё-таки начала спускаться. Двери открылись, и из лифта вышли двое молодых людей. От них ощутимо пахло алкоголем. Парни весело переговаривались, явно собираясь продолжить вечер где-то за пределами дома. Александр пропустил их, заехал в кабину вместе с самокатом и нажал кнопку своего этажа. Поднимаясь, он снова вспомнил о странном беспокойстве. Оно никуда не делось. Даже наоборот, теперь, когда он наконец оказался в тишине, ощущалось чуть отчётливее. «Надо бы сегодня лечь пораньше», — решил он.

Лифт остановился. Александр вышел в коридор, достал ключи и открыл дверь квартиры.

— Ну, наконец-то, — услышал он голос Юлии из кухни. — Я уж думала, ты решил на работе ночевать.

— Не дождёшься, — отозвался Александр, снимая обувь.

— Хлеб купил?

— Конечно. Я же ответственный человек.

— Это мы ещё проверим.

Юлия выглянула из кухни, улыбнулась и подошла к нему.

Александр поставил самокат в привычное место, повесил куртку и передал ей пакет.

— Вот, всё по списку. Даже ничего лишнего не купил.

— Неужели? — она заглянула внутрь. — Надо же, прогресс.

— Я сегодня вообще образцовый муж. Работу закончил вовремя, покупки сделал, домой вернулся без приключений.

— Тогда тебе положена награда. Иди мой руки, чай уже готов.

Александр улыбнулся и прошёл в ванную. Всё было как обычно. Та же квартира, тот же вечерний свет, знакомый голос Юлии, запах свежезаваренного чая. Ничего не изменилось, и всё же ощущение, возникшее ещё по дороге домой, продолжало его беспокоить. Он посмотрел на себя в зеркало. Обычное лицо, немного уставшие глаза, седина на висках. Никаких признаков болезни или чего-то необычного. «Да брось ты, — сказал он себе мысленно. — Просто пятница. Надо расслабиться». Умывшись, Александр вернулся на кухню. На столе стояли чашки, салат и тарелка с чем-то приготовленным Юлией к ужину. Она сидела у окна и листала телефон. Увидев мужа, отложила его в сторону.

— Как прошёл день?

— Как обычно. Работы много, но всё нормально. Денису сегодня немного досталось.

— Это кто?

— Молодой дизайнер. Я тебе рассказывал. Парень спо-

собный, но иногда пытается сделать больше, чем может в данный момент.

— И ты ему об этом сообщил?

— Разумеется. В доступной форме.

Юлия приподняла бровь.

— Насколько доступной?

— Ну… Екатерина считает, что иногда я бываю слишком прямолинейным.

— А ты как считаешь?

Александр сел за стол и взял чашку.

— Я считаю, что если человек хочет научиться работать хорошо, ему полезно иногда услышать правду.

— Это так. Но иногда полезно ещё и подумать, как именно эту правду сказать.

Он посмотрел на жену и усмехнулся.

— Вы с Екатериной случайно не сговорились?

— Нет. Просто я тебя давно знаю.

— Вот это уже серьёзный аргумент.

Они немного поговорили о работе, о предстоящих выходных, о том, что нужно купить к субботе. Юлия рассказала какую-то историю, случившуюся у неё днём, Александр поделился разговором с Олегом. Сын попросил старые фотографии с Севера, и Юлия заинтересовалась, не сохранились ли у них снимки тех лет.

— Конечно, сохранились, — ответил Александр. — Где-то в коробках. Надо будет поискать.

— А помнишь, у тебя была фотография, где вы стоите возле радиостанции?

— Помню. Только я там такой худой, что меня, наверное, ветром могло унести.

— Ты всегда был худой?

— Нет, просто тогда хорошо питались. В основном воспоминаниями о нормальной еде.

Юлия рассмеялась.

Александр сделал несколько глотков чая. Ему хотелось поддерживать разговор, но странное состояние мешало сосредоточиться. Он ловил себя на том, что периодически прислушивается к собственным ощущениям, словно пытается обнаружить источник тревоги.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — заметила Юлия.

— Есть немного.

— Что-то случилось?

— Нет. На работе всё хорошо. Просто не знаю… Как-то странно себя чувствую.

— Голова болит?

— Нет.

— Давление?

— Не знаю. Может, померить?

Юлия внимательно посмотрела на него.

— Давай сначала спокойно поужинаем. Может, просто устал.

Александр кивнул, хотя сам не был уверен, что дело в

усталости. Он не хотел портить жене вечер. Впереди были выходные, они строили планы, и совершенно не хотелось превращать обычную пятницу в разговор о здоровье и возрасте. Он уже хотел сказать Юлии, что на обратном пути остановился проверить телефон, потому что был уверен: забыл что-то важное. Но теперь, за столом, этот случай показался ему таким пустяком, что он просто подвинул к ней салатницу.

— Может, фильм посмотрим? — предложил он.

— Давай. Только что-нибудь лёгкое. Комедию, например.

— Согласен.

Юлия улыбнулась и начала искать что-нибудь подходящее. Александр сидел напротив неё, держал чашку обеими руками и смотрел на знакомую обстановку. За окном постепенно темнело. В соседнем доме зажигались окна, на кухне тихо работал холодильник, а из комнаты доносился негромкий звук телевизора. Юлия спросила с кухни, прибавить ли звук. Он только тогда заметил, что уже какое-то время держит чашку у самого рта, так и не сделав глотка.

Фильм они так и не выбрали. Сначала Юлия предложила одну комедию, но Александр вспомнил, что уже видел её несколько лет назад. Потом они остановились на другом фильме, однако после первых десяти минут выяснилось, что сюжет обоим знаком. В итоге телевизор продолжал работать, а они больше разговаривали между собой, чем следили за происходящим на экране. На экране герой уже третий раз

пытался кому-то дозвониться из телефонной будки. Юлия подвинула к себе телефон, открыла меню ресторана и ткнула пальцем в незнакомое название. Александр прочитал его вслух с таким уверенным французским выговором, что она тут же потребовала перевода, и ему пришлось признаться, что дальше первой строки он не смотрел. Юлия засмеялась. Через минуту она уже показывала ему другое блюдо, но на этот раз ему пришлось попросить её повторить вопрос. Он несколько раз менял положение на диване, вставал за водой, возвращался, снова брал телефон и без особого интереса просматривал новости. Потом отложил его, посмотрел на часы и удивился, насколько медленно тянется время.

— Ты чего всё время ёрзаешь? — спросила Юлия, не отрывая взгляда от телевизора.

— Да не знаю. Неудобно как-то.

— Может, спина?

— Нет, вроде нормально.

— Тогда что?

Александр пожал плечами.

— Сам не понимаю. Какое-то беспокойство.

Юлия повернулась к нему.

— Ты уже говорил. Может, всё-таки давление измерим?

— Давай чуть позже.

— Как хочешь. Только не надо геройствовать. Если плохо себя чувствуешь, скажи.

— Обязательно, доктор.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он улыбнулся, пытаясь перевести разговор в шутку, но Юлия не стала продолжать. Она хорошо знала мужа и понимала, когда за его привычной иронией скрывается желание уйти от разговора. Через некоторое время Александр поднялся.

— Пойду посуду помою.

— Оставь, завтра сделаем.

— Да там две тарелки и чашки. Быстрее помыть, чем завтра на них смотреть.

На кухне он включил воду, убрал со стола остатки ужина и принялся мыть посуду. Обычная домашняя работа всегда немного успокаивала его. Здесь не требовалось принимать сложных решений, никто не ждал от него оригинальных идей, а результат был понятен заранее: грязные тарелки становились чистыми, стол освобождался, кухня приобретала привычный вид. Закончив, он вытер руки полотенцем и открыл холодильник, хотя совершенно не помнил, зачем это сделал. Несколько секунд смотрел на полки, затем закрыл дверцу.

— Ты что-то ищешь? — спросила Юлия из комнаты.

— Пока не знаю.

Он прошёл в спальню, открыл шкаф и достал домашнюю футболку. Переодевшись, некоторое время постоял у окна. Внизу кто-то парковал автомобиль, молодой человек выгу-

ливал собаку, а возле подъезда двое соседей обсуждали что-то, оживлённо жестикулируя. Всё выглядело настолько привычно, что Александр даже не сразу понял, почему продолжает смотреть на улицу. Возможно, ему просто хотелось отвлечься. Он вернулся в гостиную. Юлия уже выключила телевизор и убирала со столика чашки.

— Может, завтра с утра прогуляемся? — предложила она. — Погода вроде обещает быть хорошей.

— Давай. А вечером ресторан.

— Ты не передумал?

— Конечно, нет. Я уже настроился на красное вино и танцы.

— Вот только не говори потом, что у тебя болят ноги.

— У меня ноги болят исключительно от недостатка танцевальной практики.

Юлия рассмеялась.

Александр посмотрел на неё и почувствовал привычное тепло. В первый раз, когда они танцевали, Юлия попросила его перестать считать вслух. Тогда он начал считать про себя и сразу сбился. Она засмеялась точно так же, как сейчас, и крепче взяла его за руку. С тех пор в ресторанах он всегда поглядывал, оставили ли свободное место между столиками. Иногда ему хватало одного взгляда Юлии, чтобы понять, будет она сегодня танцевать или нет.

Он подошёл к жене и обнял её за плечи.

— Всё нормально, Юль. Не переживай.

— Я и не переживаю, — ответила она, но посмотрела на него с сомнением. — Просто ты сегодня сам на себя не похож.

— Бывает.

— Ладно. Только если ночью станет хуже, разбуди меня.

— Договорились.

Юлия поцеловала его и пошла готовиться ко сну.

Александр остался в гостиной. Он включил телевизор, несколько раз переключил каналы, задержался на новостях, затем посмотрел начало какого-то старого фильма. Через пару минут выключил телевизор. Смотреть ничего не хотелось. Он прошёл на кухню, налил стакан воды и выпил почти залпом. Потом открыл окно, постоял несколько минут, вдыхая прохладный вечерний воздух, и закрыл его. Странное состояние не проходило. В какой-то момент ему пришла в голову мысль, что, возможно, всё дело в прошедших выходных. Он вспомнил, как несколько дней назад они с друзьями засиделись за столом, как много было разговоров, алкоголя, шуток. В молодости подобные вечера проходили почти незаметно, теперь же организм иногда напоминал о них спустя несколько дней. Александр не любил признавать, что возраст всё-таки берёт своё, но и спорить с очевидным было бессмысленно. «Сто граммов перед сном — и, может, отпустит», — подумал он. Мысль показалась ему вполне разумной, хотя где-то внутри он понимал, что это скорее привычка, чем решение проблемы. Он не собирался устраивать застолье. Про-

сто немного выпить, расслабиться и лечь спать. На кухне он открыл шкафчик, достал небольшую бутылку и налил себе совсем немного. Несколько секунд посмотрел на стакан, затем сделал глоток. Алкоголь обжёг горло, оставив привычное тепло. Александр поморщился, поставил стакан на стол и усмехнулся.

— Вот и вся медицина.

Он не стал допивать сразу. Убрал бутылку обратно и ещё некоторое время походил по квартире. В гостиной на полке стояли фотографии. Александр остановился возле одной из рамок. На ней они с Юлией были моложе: лето, отдых, солнце, счастливые лица. Он взял фотографию, внимательно посмотрел на неё и провёл пальцем по краю рамки. Сколько же лет прошло. Иногда ему казалось, что жизнь пролетела слишком быстро. Не в том смысле, что он не успел ничего сделать. Напротив, многое из того, о чём когда-то мечтал, сбылось. У него была любимая женщина, взрослый сын, работа, которая приносила удовольствие, дом, друзья, воспоминания. Он не мог сказать, что жизнь обошлась с ним несправедливо. Были ошибки, потери, неприятные решения, но разве бывает иначе? Он поставил фотографию на место. Время приближалось к полуночи. Юлия уже лежала в постели и читала что-то на планшете. Александр заглянул в спальню.

— Ты ещё не спишь?

— Нет. А ты всё ходишь?

— Да что-то не хочется пока.

— Саш, может, всё-таки давление померим?

Он на секунду задумался.

— Давай утром. Сейчас уже поздно. Наверное, просто устал.

Юлия отложила планшет.

— Ты точно нормально себя чувствуешь?

— Точно. Не накручивай себя.

Он подошёл к кровати, поцеловал её в лоб и отправился в ванную. Почистил зубы, умылся, выключил свет в коридоре и вернулся в спальню. Лёг рядом, укрылся одеялом и повернулся на бок.

— Спокойной ночи, — тихо сказала Юлия.

— Спокойной.

Она выключила ночник. В комнате стало темно. За окном ещё шумел город, но звуки постепенно стихали, растворяясь в ночной тишине. Александр лежал с закрытыми глазами и пытался расслабиться. Мысли продолжали сменять одна другую: рабочий проект, разговор с Олегом, старые фотографии, завтрашний ресторан, прогулка в воскресенье. Утром он первым делом достанет коробку с фотографиями. Олегу надо будет отправить хотя бы один снимок до того, как они с Юлией уйдут гулять, иначе он опять вспомнит об этом только к вечеру. Он перевернулся на другой бок. Тревога всё ещё оставалась где-то внутри, но теперь казалась далёкой и не такой значительной. Возможно, сон наконец поможет изба-

виться от неё. Александр глубоко вдохнул, медленно выдохнул и попытался ни о чём не думать. Постепенно сознание стало погружаться в сон. Последнее, что он услышал, было ровное дыхание Юлии рядом. А потом привычный мир исчез.

Глава 2. Всё как наяву

Сначала Александр ещё слышал, как рядом дышит Юлия. Между двумя её вдохами вдруг вклинился совсем другой звук: брякнула ложка о край стакана, и он уже знал, что сейчас мать придержит стакан полотенцем, потому что от горячего чая обжигает пальцы. Он успел увидеть, как она подгибает край полотенца, и в ту же секунду услышал стук листов, которые Денис положил перед ним на стол. На одном из них светилось окно загородного дома. Александр хотел ещё раз взглянуть на снимок, но свет уже падал на совсем другой стол, у радиостанции на Муостахе, и от чьей-то мокрой куртки тянуло холодом. Все эти мгновения продолжались одновременно. Он мог дослушать, что говорила мать, мог обернуться на звук у двери радиостанции, а мог остаться в спальне и дождаться следующего вдоха Юлии. Он выбрал последнее и прислушался. За первым коротким промежутком потянулся второй, гораздо длиннее. Тогда Александр попытался сам вдохнуть и почувствовал на губах песок.

Он сплюнул. Песчинки остались между зубами, а под правым плечом обнаружился острый камешек. Александр пошевелился, и камешек соскользнул вниз по рукаву. Только тогда он открыл глаза.

«Где я?»

Первая мысль возникла совершенно отчётливо. Александр несколько секунд лежал неподвижно, пытаясь понять, что именно видит перед собой. Над ним было серое, затянутое облаками небо. Чуть поодаль возвышались знакомые многоэтажные дома, но их вид заставил мужчину приподняться и внимательно оглядеться. Это был его родной город. Тот самый небольшой городок, где прошло детство, где он ходил в школу, гулял с друзьями и впервые узнавал, каким огромным может казаться мир за пределами собственного двора. Только город выглядел так, словно пережил настоящую катастрофу. Покорёженные девятиэтажки с выбитыми окнами, обрушившиеся балконы, перевёрнутые автомобили, разбитые остановки и детские площадки, заваленные обломками. Некоторые здания стояли почти целыми, другие наполовину превратились в груды бетона и искорёженного металла. Улицы были совершенно пустыми. Ни прохожих, ни машин, ни привычного городского шума. Даже ветер, казалось, не решался нарушить эту гробовую тишину.

Александр медленно поднялся на ноги. Странно, но увиденная картина не вызвала у него того ужаса, который, наверное, испытал бы любой человек, внезапно оказавшийся

посреди разрушенного города. Скорее, он почувствовал растерянность и глубокую грусть. Перед ним находилось место, которое он знал с детства, и смотреть на него в таком состоянии было неприятно почти физически. Напротив возвышался родительский дом. Он тоже пострадал, но всё ещё узнавался среди остальных зданий. Александр невольно поднял голову, пытаясь разглядеть знакомые окна на девятом этаже. Именно там когда-то находилась квартира, в которой он жил с родителями. Сколько лет прошло с тех пор? Казалось, целая вечность.

«Как давно я там не был…»

Воспоминания возникали сами собой. Он вспомнил двор, старые качели, лавочки возле подъездов, весеннюю сирень, которая каждый год расцветала возле дома. Вспомнил детский смех, разговоры соседей, голоса родителей, возвращение из школы и те самые обычные дни, которые в детстве казались бесконечными. Тогда город был совсем другим. Живым, шумным, наполненным людьми. На улицах постоянно кто-то куда-то спешил, во дворах играли дети, молодые мамы гуляли с колясками, а по вечерам из открытых окон доносились звуки телевизоров и разговоры семей за ужином. Теперь от всего этого осталась только тишина.

«Но так не должно быть… Что здесь произошло?»

В голове начали появляться вопросы. Может быть, началась война? Или случилось землетрясение? Почему нет людей? Неужели все погибли? И самое главное — как он сам

оказался здесь? Александр посмотрел на свои руки, словно только сейчас вспомнил о собственном присутствии в этом месте. Одежда тоже показалась знакомой: спортивный костюм цвета хаки с длинным рукавом. Он давно не надевал ничего подобного, но когда-то у него действительно был похожий. Кажется, лет в тридцать. Мужчина нахмурился. Он чувствовал себя вполне нормально. Ничего не болело, голова была ясной, дыхание ровным. Более того, несмотря на разрушения вокруг, холодный воздух совершенно не доставлял дискомфорта. Он сделал несколько шагов и только теперь заметил, насколько легко ему двигаться. В теле не было привычной тяжести, суставы не напоминали о возрасте, а зрение казалось необычайно чётким. Александр поднял руки ближе к лицу и внимательно рассмотрел их. Кожа выглядела гладкой, без возрастных пятен и складок.

— Странно… — произнёс он вслух.

Собственный голос заставил его насторожиться. Он звучал моложе, чем должен был. Александр оглянулся в поисках чего-нибудь, где можно было бы увидеть отражение. Неподалёку стоял старый автомобиль с разбитым боковым стеклом. Мужчина подошёл к нему и наклонился к зеркалу. Несколько секунд он просто смотрел на себя. Из отражения на него смотрел парень лет двадцати. Молодой Александр. Без седины, без морщин, с гладким лицом и тем самым выражением глаз, которое он помнил по старым фотографиям.

— Вот это да… — вырвалось у него. — Круто!

Он провёл ладонями по щекам, потрогал подбородок, даже слегка оттянул нижнюю губу, словно надеялся обнаружить подвох. Затем улыбнулся собственному отражению. Улыбка получилась совсем юношеской.

— И голос другой. И зрение… Да я, оказывается, помолодел!

Радость от неожиданного открытия быстро сменилась недоумением. Александр ещё раз посмотрел на себя, затем оглядел пустую улицу.

«Что за волшебство?»

Он попытался вспомнить, что происходило перед тем, как оказался здесь. Вечер, квартира, Юлия, разговоры, кровать… Да, он точно помнил, как лёг спать. А дальше? Дальше ничего.

«Сон?»

Мысль показалась вполне разумной. В конце концов, он же только что заснул. Возможно, это обычное сновидение, просто необычайно реалистичное. Но почему тогда всё воспринимается настолько отчётливо? Он чувствовал прохладу воздуха, ощущал под ногами твёрдую землю, видел мельчайшие детали разрушенных зданий. Даже собственное отражение казалось совершенно настоящим.

Александр ущипнул себя за руку.

— Больно. Значит, чувствительность на месте.

Он усмехнулся, понимая, насколько нелепо выглядит со стороны человек, который разговаривает сам с собой возле

разбитого автомобиля.

«Ладно. Если это сон, то рано или поздно я проснусь. А пока надо разобраться, что здесь происходит. Может, кого-нибудь встречу».

Оставаться на одном месте больше не хотелось. Александр направился вдоль улицы, осторожно обходя обломки бетона и перевёрнутые автомобили. Вокруг не было ни единого признака человеческой жизни. Он ещё не знал, что впереди его ждёт не просто прогулка по разрушенному городу. И уж тем более не подозревал, что привычные представления о времени, памяти и собственной жизни скоро перестанут иметь для него прежний смысл.

На середине улицы он остановился. Отсюда было видно остановку, на которой в школьные годы они с Сергеем ждали автобус. Ветер тогда продувал её насквозь, и зимой они по очереди вставали с той стороны, откуда дуло. Теперь от навеса осталась одна стойка. На ней под мутным пластиком висело расписание, и Александр подошёл ближе, чтобы прочитать его. Бумага была сухая, буквы чёткие. Он даже нашёл нужную строку и уже собирался прикинуть, долго ли ждать, когда заметил, что в колонке с минутами ни в одной строке нет цифр.

Александр достал из кармана телефон. Экран загорелся, но связи не было. Он попробовал открыть часы. Время отображалось, однако цифры казались странными: секунды не двигались. Он несколько раз нажал на экран, перезагрузил

телефон, но ничего не изменилось.

— Прекрасно, — пробормотал он. — Даже во сне связь не ловит.

Собственная шутка прозвучала неуместно, и он убрал телефон обратно. Мужчина направился к знакомому двору. Дорогу помнил почти наизусть, хотя с тех пор прошло много лет. Здесь он когда-то гонял на велосипеде, играл с мальчишками в футбол, возвращался домой после долгих прогулок. Вон там стояла старая скамейка, возле которой обычно собирались пенсионеры. Чуть дальше была детская площадка. От площадки почти ничего не осталось. Ржавые качели висели на одной цепи, песочница заросла травой. Александр подошёл ближе и провёл рукой по холодной металлической перекладине. В памяти неожиданно всплыл летний день. Он совсем маленький, лет восьми, раскачивается на этих качелях, стараясь взлететь как можно выше. Отец стоит неподалёку и предупреждает, чтобы он не раскачивался слишком сильно. Александр смеётся и, конечно, не слушает. Воспоминание оказалось настолько отчётливым, что он даже почувствовал запах нагретого солнцем металла и услышал отцовский голос. Он закрыл глаза на несколько секунд. Когда открыл их, качели слегка покачивались. Александр отступил назад. Он посмотрел на цепь. Ветер не дул. Вокруг по-прежнему было тихо.

— Так, спокойно, — произнёс он вслух. — Это сон. Просто очень подробный. В конце улицы показался магазин, ку-

да он в детстве бегал за хлебом. Над входом остался один крюк от вывески, а поперёк ступеней лежала плита. Александр всё равно сунул руку в карман, как делал когда-то, проверяя, на месте ли мелочь. Коснулся телефона и вспомнил вчерашний батон, как Юлия заглянула в пакет и удивилась, что он купил ровно то, о чём она просила. На секунду ему захотелось позвать её. Вместо этого он постучал костяшками по уцелевшему краю витрины. Когда-то женщина за прилавком узнавала его по стуку и выглядывала из подсобки.

На стук никто не вышел. Александр постоял у витрины, глядя на тёмный проход за прилавком, и только собрался уходить, когда с другой стороны улицы донёсся голос. Позвали один раз, потом ещё, уже гораздо громче. Александр успел обрадоваться прежде, чем разобрал слова.

— Эй! Вы меня слышите? Помогите! Я здесь!

Александр резко повернул голову. Голос доносился откуда-то из-за груды бетонных обломков возле дороги.

— Слышу! Держитесь, сейчас помогу!

Он поспешил туда, осторожно переступая через разбросанные куски арматуры и кирпичи. За обрушившейся частью стены лежал молодой мужчина. Его ноги были придавлены бетонной плитой, а одна рука едва заметно двигалась, пытаясь освободиться. Александр наклонился, чтобы рассмотреть пострадавшего, и на мгновение замер.

— Серёга?!

Молодой мужчина поднял голову. На его запылённом ли-

це сначала появилось недоумение, а затем удивление сменилось широкой улыбкой.

— Сашка?! Вот это встреча!

Александр не мог поверить собственным глазам. Перед ним лежал Сергей — его старый друг, с которым они знакомы ещё с детства. Только выглядел он так, словно время для него тоже повернулось вспять. Молодой, крепкий, с тем самым знакомым выражением лица, которое Александр помнил с юных лет.

— Ты как здесь оказался? Что вообще происходит? Я уже полгорода обошёл, никого не встретил!

— Сашка, давай сначала отсюда меня вытащим, а потом будем обсуждать конец света.

— Точно. Извини, что-то я увлёкся.

Александр оглядел завал. Плита была тяжёлой, но рядом торчал обломок арматуры, который вполне можно было использовать как рычаг. Он ухватился за него обеими руками и попытался сдвинуть бетон.

— Давай на счёт три. Раз, два, три!

Сергей упёрся руками в обломок и помогал, насколько позволяли обстоятельства. Сначала ничего не происходило, затем плита немного приподнялась. Александр налёг сильнее, и бетон сдвинулся в сторону. Несколько минут они разбирали завал, пока наконец Сергею не удалось освободить ноги. Когда Сергей наконец вытащил вторую ногу, Александр ещё держал арматуру обеими руками. Пальцы свело,

а разжать их сразу он не смог. Сергей нагнулся, выбрал из-под ног кусок кирпича и подбил его под приподнятый край. Только когда плита осела на кирпич и перестала давить на прут, Александр отпустил его. В ладони, чуть ниже большого пальца, краснела вмятина. Он потёр её и поднял глаза. Сергей глядел на его ладонь. Александр хотел сказать, что это пустяк, но заметил, что у друга тоже дрожат пальцы.

— Ну вот, уже лучше, — выдохнул Александр и протянул другу руку.

Сергей поднялся, отряхнул одежду и осторожно пошевелил ногами.

— Вроде цел. Ничего не сломал. Хотя ощущение, будто меня грузовиком переехало.

— А ты что здесь делал?

— Да сам не знаю. Очнулся среди этих развалин. Хорошо хоть ноги не отдавило окончательно.

Александр внимательно посмотрел на друга.

— Слушай, я ведь тоже ничего не понимаю. Проснулся здесь, город разрушен, людей нет. И самое интересное — я помню всё. Вообще всё! Школу, институт, работу, какие-то совершенно незначительные моменты из жизни. Такое ощущение, будто в голове вместо мозга установлен суперкомпьютер.

Сергей усмехнулся, но в его улыбке не было прежней беззаботности.

— Добро пожаловать в новый мир, Сашка.

— В какой ещё новый мир?

— Пока просто смотри по сторонам. Здесь всякое бывает. И главное — старайся контролировать свои желания.

— Какие желания? Серёга, ты можешь объяснить человеческим языком?

— Потом. Сейчас нам лучше отсюда убраться.

Александр хотел продолжить расспросы, но заметил, что Сергей смотрит куда-то ему за спину. В выражении лица друга появилось беспокойство.

— Что там?

— Похоже, у нас гости.

Александр обернулся. На западе, там, где город постепенно переходил в лесной массив, над горизонтом поднималась огромная тёмная воронка. Сначала он даже не понял, что видит. Но через несколько секунд сомнений не осталось: к ним приближался смерч. Его верхняя часть терялась среди тяжёлых облаков, а основание вращалось с такой скоростью, что казалось единым живым существом. Ветер поднимал в воздух землю, куски асфальта, обломки деревьев и автомобили. Всё, что оказывалось на пути стихии, исчезало внутри бушующего вихря.

— Ничего себе… — только и произнёс Александр.

— Ага. Впечатляет, правда?

— Серёга, ты сейчас серьёзно? Это же натуральный смерч!

— А ты думал, здесь скучно будет?

— Нам надо отсюда убираться!

Сергей не стал спорить. Он схватил Александра за рукав и потянул за собой.

— Бегом!

Они бросились вдоль улицы. Ветер стремительно усиливался, поднимая с земли пыль и мелкий мусор. Видимость ухудшалась с каждой секундой. Приходилось прикрывать лица руками и буквально продираться сквозь воздушный поток. Александр несколько раз споткнулся о разбросанные автомобильные колёса, едва не упав. Сергей бежал впереди, крепко удерживая его за рукав.

— Сюда! — крикнул он, указывая на стоявший неподалёку автобус. Транспорт выглядел старым, но сохранился на удивление хорошо. Сергей ловко отодвинул тяжёлую дверь и первым забрался внутрь. Александр последовал за ним, после чего оба пригнулись между сиденьями. В тот же момент автобус сильно качнуло. Снаружи раздавался непрерывный грохот. Камни, куски бетона и металлические обломки с силой ударялись о кузов. Казалось, ещё немного — и огромная машина перевернётся. Однако стёкла оставались целыми, а корпус, несмотря на сильную тряску, выдерживал натиск стихии.

Александр никак не мог отдышаться. Когда автобус качнуло, Сергей машинально подхватил его под локоть. Этим же движением он когда-то удержал Сашку на подножке переполненного салона, а потом всю дорогу дразнил за то, что

тот вцепился ему в плечо. Сейчас Сергей убрал руку и сел напротив, обхватив колени. За дверью что-то тяжёлое протащило по асфальту, но он даже не повернул головы.

— Что? — крикнул Александр, перекрывая шум.

— Ничего.

— Тогда чего смотришь?

— Жду.

— Чего ты ждёшь?!

— Когда ты примешь правильное решение.

Александр недоумённо уставился на него.

— Ты сейчас шутишь? Какое ещё решение? Мы в ловушке!

— Думай, Сашка. Думай.

— Да что тут думать?! Посмотри, что снаружи творится!

Сергей замолчал. В стекле отражалось молодое лицо Александра, а за ним над улицей росла воронка. В детстве он смотрел передачи про американские торнадо и однажды попробовал устроить собственный смерч: бросал в таз с водой тополиный пух, раскручивал воду ложкой и следил, как белые хлопья исчезают в середине. Если смотреть сбоку, казалось, что их затягивает до самого дна. Его интересовало, что там, внутри, и почему операторы всегда отворачивали камеру именно тогда, когда уже почти можно было разглядеть середину настоящей воронки. Он вспомнил, как в очередной раз пригнулся перед телевизором, будто так можно было заглянуть под край экрана. Теперь Александр стоял у

автобусного окна в той же позе. Грохот нарастал, пыль закрывала улицу, а он всё ждал просвета, чтобы увидеть, что там, за стеной ветра.

Александр приблизился к окну и стал пристально всматриваться в бушующую воронку. Внутри него происходило что-то странное. Страх постепенно отступал, уступая место совершенно другому чувству. Его охватывало восхищение. «И как же красиво, зараза…» Смерч замедлил движение. Он остановился примерно в пятидесяти метрах от автобуса, продолжая вращаться с невероятной силой. Александр смотрел на него и вдруг поймал себя на мысли, что стихия словно тоже наблюдает за ним. Это ощущение было настолько отчётливым, что он невольно отступил от окна, а затем снова приблизился.

— Ну что, Сашка? — Сергей заметил его улыбку. — Давай, сделай что-нибудь.

Он посмотрел на ручку двери и представил, как откроет её. Автобус тут же качнуло, и пришлось схватиться за спинку сиденья. Тогда Александр подумал, что мог бы сесть рядом с Сергеем и ждать, пока всё кончится. От этой мысли автобус качнуло снова. Смерч стоял на прежнем месте, и теперь Александру хотелось проверить, двинется ли он, если сделать шаг навстречу.

Он повернулся к другу.

— Я пошёл.

Сергей посмотрел на него без удивления.

— Надеюсь, ты сделал правильный выбор.

Александр открыл тяжёлую дверь автобуса. Навстречу ему ударил мощный порыв ветра. В глаза летела пыль, одежду трепало так, что приходилось наклоняться почти до земли. Он сделал первый шаг, затем второй. Каждое движение давалось с трудом. Но странное чувство внутри подсказывало ему, что он движется в правильном направлении. Расстояние до воронки постепенно сокращалось. Ветер становился всё сильнее, однако вместе с этим Александр ощущал необычное облегчение. Словно с каждым шагом с его тела снимали невидимый груз, который он носил на себе долгие годы. Когда до края вихря оставалось всего несколько метров, он вдруг почувствовал невероятную лёгкость. Ноги оторвались от земли, и тело медленно поднялось в воздух. Страха не было. Александр видел перед собой только вращающуюся массу воздуха, земли и света. Всё вокруг постепенно теряло очертания. Он поднимался всё выше, но вместо ужаса ощущал странное спокойствие, словно, наконец, оказался там, где должен был быть. И тут он услышал музыку. Сначала едва различимую, похожую на далёкую мелодию, которую когда-то давно слышал, но совершенно забыл. Звук постепенно становился отчётливее. Он не напоминал ни ветер, ни шум стихии. В нём было что-то живое, глубокое и удивительно знакомое. Александр закрыл глаза. Ему казалось, что смерч не разрушает, а разговаривает с ним. Рассказывает о своей силе, о бесконечном движении природы, о мире, кото-

рый существовал задолго до появления человека и продолжит существовать после его исчезновения. Александр чувствовал, что между ним и этим чудовищем больше не существовало никакой границы. Он не просто находился внутри смерча — он стал его частью. Впервые за долгое время ему казалось, что он понимает нечто такое, для чего в человеческом языке попросту нет подходящих слов. Эта стихия была живой. У неё была собственная душа, древняя, непостижимая и свободная от всего, чем человек привык измерять окружающий мир. Она доверилась ему. Раскрыла перед ним свои невидимые объятия, словно впуская в свою обитель давно потерянного родственника, которого узнала спустя бесчисленные годы разлуки. Александр больше не ощущал страха. Напротив, его охватило странное чувство близости, будто он вернулся туда, откуда когда-то пришёл, но успел забыть об этом. И мелодия… В первый раз она прошла сквозь грохот почти незаметно. Теперь Александр слышал, как низкая нота тянется вслед за вращением воронки, а поверх неё, всё ближе, проступает другая, тонкая и чистая. Он открыл глаза. Внизу рябь бежала по воде в какой-то широкой реке, и каждый раз, когда нота поднималась, по реке проходила новая полоса ряби. На другом берегу дрожали камыши. За ними на шоссе лежало дерево, вырванное с корнями, и вода из канавы текла прямо в тёмную яму на его месте. Ему казалось, что между шёпотом камышей и грохотом падающего дерева прошло всего одно дыхание. Он поднял

глаза и увидел под собой берег ещё раз, теперь совсем без дороги, с молодой порослью там, где прежде росло дерево. Видение длилось так недолго, что Александр успел разглядеть только белую полоску песка у воды. Потом воронка повернулась, и берег исчез. Ему захотелось узнать, было ли там что-нибудь ещё, кто жил за этим поворотом реки, кто потом придёт туда. Прежде он спросил бы, зачем ветру понадобилось ломать дерево. Теперь он слушал, как одна и та же нота проходит через камыши, через ветки и через пустой воздух над рекой. Кому-то она могла бы показаться зловещей. Но Александр уже слышал её у самой земли, когда ветер едва касался травы, и узнал бы снова, даже если бы от дерева остались одни щепки. Александр смотрел на мир глазами своего нового друга и впервые видел его совершенно иначе. Люди, ещё недавно казавшиеся ему вершиной разумной жизни, теперь представлялись крошечными существами, суетливо ползающими по поверхности огромной планеты. Они строили города, прокладывали дороги, возводили заводы, спорили о границах и богатстве, стремились подчинить себе всё вокруг. Им казалось, что они управляют миром, хотя на самом деле они были лишь небольшой частью сложной системы, существовавшей миллионы лет до них. Человек давно перестал жить в согласии с природой. Он отдалился от её естественных ритмов, заглушил инстинкты голосом собственных амбиций и постепенно уверовал в то, что способен распоряжаться планетой по своему усмотрению. Брал

её дары, не задумываясь о последствиях, менял русла рек, выжигал леса, отравлял воздух и воду, словно всё это было бесконечным запасом ресурсов, предназначенным исключительно для него. Создавая вокруг себя удобный мир, он всё чаще забывал, что этот мир принадлежит не только ему. И Александр вдруг ощутил, насколько непрочна человеческая уверенность в собственном могуществе. Достаточно одного движения земли, одного удара океанской волны, одного порыва ветра или вспышки огня, чтобы всё, что создавалось веками, превратилось в груду обломков. Человечество могло сколько угодно считать себя хозяином планеты, но перед лицом четырёх стихий оно по-прежнему оставалось уязвимым. Рано или поздно, подумал Александр, наступит время, когда привычный порядок перестанет существовать. Земля, вода, воздух и огонь словно объединятся в едином порыве, напомнив людям, что ни одна цивилизация не может бесконечно испытывать терпение мира, на котором живёт. Тогда исчезнут города, опустеют дороги, рухнут созданные человеком сооружения. От былого величия останутся лишь руины, которые спустя тысячи лет, возможно, обнаружат археологи новой цивилизации. Они будут рассматривать обломки зданий, разгадывать назначение странных предметов и пытаться понять, что за люди жили здесь когда-то и почему исчезли. А потом всё начнётся снова. На опустевшей земле появится новая жизнь, возникнут новые сообщества, новые города и новые представления о мире. Начнётся очередной кру-

говорот — со своими открытиями, ошибками, надеждами и борьбой за выживание. И Александр лишь надеялся, что однажды разумные существа сумеют понять то, чего не смогло понять человечество: они не хозяева этого мира, а его часть. Природа не нуждалась в поклонении и не требовала благодарности. Она просто была. Наблюдала, терпеливо ждала и продолжала жить по своим законам. И если равновесие снова окажется нарушено, она напомнит о себе. Александр чувствовал это теперь так ясно, словно сама стихия вложила эту мысль ему в сознание. И в тот миг он испытывал к своему необычному другу не страх и не жалость, а глубокое уважение. Он увидел в нём не безжалостного разрушителя, а нечто гораздо более древнее и могущественное, чем всё, что ему прежде доводилось встречать. Смерч продолжал вращаться вокруг него, и мелодия всё ещё звучала где-то внутри этого бесконечного движения. Александр слушал её, уже не пытаясь разобрать отдельные ноты. Ему казалось, что теперь он понимает своего собеседника без слов.

Александр открыл глаза от яркой вспышки. Над ним снова висело серое небо, а в нескольких шагах стоял автобус. Он приподнялся на локте и стал искать глазами, что изменилось на улице. У переднего колеса лежал тот же кирпич с белым сколом, который он переступил, когда бежал к двери. За дорогой на голой ветке висел клочок полиэтилена. Он должен был сорваться первым, но по-прежнему еле шевелился. Александр коснулся щеки, ожидая нащупать царапину. На

пальцах осталась только пыль.

— Вот это да… — тихо произнёс он. Последнее, что сохранилось в памяти, — яркий свет и ощущение невесомости. Александр помнил, как поднимался над землёй, как слышал странную мелодию, как чувствовал себя частью огромной стихии. Воспоминания были настолько отчётливыми, что он невольно провёл ладонью по лицу, словно проверяя, действительно ли находится здесь.

— Ну, как ты?

Александр повернул голову. Из автобуса вышел Сергей и направился к нему.

— Целый, — коротко ответил Сашка, поднимаясь на ноги.

— Ну и отлично. Ждём следующего приключения.

— Какого ещё приключения? Серёга, ты вообще видел, что сейчас произошло?!

— Видел.

— Я летал! Понимаешь? Летал внутри этого чудовища! И ничего со мной не случилось!

Сергей усмехнулся.

— Ещё и не такое увидишь.

Александр внимательно посмотрел на друга. В его глазах не было ни удивления, ни страха. Только какая-то усталость, словно всё происходящее давно перестало быть для него чем-то необычным.

— Слушай, а ты давно здесь?

Сергей не сразу ответил. Он обвёл взглядом разрушенный город, затем посмотрел на Александра.

— Достаточно давно.

— То есть ты всё это время находишься здесь один?

— Не совсем.

— А кто ещё есть?

— Позже расскажу. Сейчас тебе важнее разобраться в том, где ты оказался.

Александр тяжело вздохнул.

— Ну, хорошо. Давай начнём с самого простого. Что это за место?

Сергей улыбнулся, развёл руками и указал вокруг себя.

— Всё, что ты видишь, — твой мир. И всё зависит только от тебя.

— В смысле мой? Я что, его построил?

— Не совсем так. Но ты можешь на него влиять.

— Подожди. Если это мой мир, тогда почему он выглядит как после бомбёжки?

— А ты сам как думаешь?

Александр оглянулся на разрушенные здания.

— Не знаю. Может, я просто чего-то боюсь? Или это какие-то воспоминания?

— Уже ближе.

— Серёга, хватит загадок. Я и так ничего не понимаю. Давай по порядку.

Друг присел на край бетонной плиты и жестом предложил

Александру сделать то же самое.

— Попробуй вспомнить, что произошло перед тем, как ты оказался здесь.

Александр задумался.

— Я был дома. Вечером. Мы с Юлей легли спать. Я помню, как закрыл глаза… — Он замолчал, вспомнив, как за несколько минут до этого пообещал разбудить её, если станет хуже. В спальне было темно. Ему казалось, он помнит даже расстояние от своей руки до её плеча. Достаточно было повернуться на другой бок.

— А потом?

— Потом ничего. Просто оказался здесь.

— И что ты чувствуешь?

— Растерянность. Наверное, страх. Хотя странно… я ведь понимаю, что нахожусь в каком-то совершенно невозможном месте, но при этом чувствую себя вполне нормально. Даже лучше, чем обычно. Тело молодое, ничего не болит, голова работает как никогда.

— Вот видишь. Ты уже начинаешь замечать изменения.

— Да какие изменения? Я просто помолодел!

— А почему ты помолодел?

Александр пожал плечами.

— Может, потому что захотел?

Сергей кивнул.

— Возможно. А теперь подумай, почему город выглядит именно так.

Александр снова посмотрел на разрушенные улицы.

— Потому что я помню его таким?

— Нет. Ты помнишь его другим. Живым. Но сейчас твой внутренний мир выглядит именно так. Попробуй разобраться, что за этим стоит.

— И ты хочешь сказать, что я сам всё это создал?

— Я хочу сказать, что здесь многое зависит от тебя. Твои мысли, желания, страхи могут приобретать вполне реальные очертания. Иногда даже быстрее, чем ты успеешь это осознать.

Александр некоторое время молчал.

— То есть, если я захочу, чтобы здесь снова были дома, деревья, люди, всё может измениться?

— Может.

— А если захочу миллион долларов?

Сергей рассмеялся.

— Вот теперь я узнаю старого Сашку.

— Ну а что? Надо же проверить возможности нового мира.

— Попробуй. Только не забывай: одного желания недостаточно. Ты должен понимать, чего действительно хочешь. И ещё кое-что — не все твои мысли одинаково безобидны.

— Это уже интересно. А что будет, если я подумаю о чём-нибудь плохом?

— Тогда можешь это увидеть.

Александр задумался. Он вспомнил смерч, который по-

явился словно из ниоткуда, и собственное детское увлечение подобными природными явлениями.

— Погоди. Получается, тот смерч возник из-за меня?

— А ты как считаешь?

— Я ведь действительно хотел когда-то увидеть его вживую. Даже мечтал оказаться внутри.

— Вот тебе и ответ.

Александр посмотрел на друга с нескрываемым удивлением.

— Ничего себе. Значит, здесь исполняются желания?

— Не совсем. Скорее, этот мир откликается на тебя. И иногда он делает это весьма своеобразно.

— А ты давно это понял?

Сергей отвёл взгляд.

— Не сразу.

В его голосе прозвучала какая-то непривычная интонация. Александр заметил это, но не стал пока расспрашивать.

— Слушай, а как же ты сам? Ты тоже можешь управлять этим миром?

— Могу.

— Тогда почему мы сидим посреди руин?

— Потому что это твой мир, Сашка. Не мой.

Александр нахмурился.

— Опять двадцать пять. Ты же сказал, что я здесь не один. Значит, есть и другие люди?

— Есть.

— И кто они?

— Разные. Некоторые тебе знакомы. Других ты никогда не встречал. Но не торопись делать выводы о том, кто они такие и откуда появились.

— А ты кто тогда? Если всё вокруг — отражение моих мыслей, получается, ты тоже часть моей фантазии?

Сергей улыбнулся.

— Можно сказать и так.

— То есть моего настоящего друга здесь нет?

— А ты уверен, что знаешь, что такое настоящее?

Александр хотел возразить, но осёкся. Вопрос прозвучал слишком неожиданно. Он посмотрел на Сергея. Перед ним сидел тот самый человек, с которым он провёл детство, которого знал десятки лет, с которым когда-то делил радости, неприятности и обычные мальчишеские секреты. Лицо, голос, привычки — всё было знакомым. Разве можно считать это выдумкой?

— Ладно, — наконец произнёс он. — Допустим, я принимаю твою версию. Но тогда объясни мне одну вещь. Я умер?

Сергей не ответил сразу. Впервые за весь разговор его лицо стало серьёзным.

— А ты сам как думаешь?

Александр опустил глаза.

— Я помню, как лёг спать. Помню Юлю рядом. Потом оказался здесь. Что ещё мне думать?

— Ты помнишь последний вечер своей жизни. Но пока не

понимаешь, что именно с тобой произошло.

— Значит, всё-таки умер…

Сергей ничего не сказал.

Александр посмотрел на руки. Молодая кожа на костяшках натянулась, когда он сжал пальцы. Он попробовал представить, как берёт этими руками Юлину чашку, как открывает дверь в спальню или перебирает вместе с Олегом старые фотографии. Движения получались знакомые, а руки всё время были чужими. Ещё несколько минут назад он радовался, что может видеть без очков. Теперь ему захотелось нащупать в кармане привычный футляр, и он даже не сразу отнял руку от ткани кармана.

— И что теперь? — тихо спросил он.

— Теперь тебе предстоит многое узнать.

— Например?

Сергей поднялся с плиты и протянул ему руку.

— Для начала научиться жить в этом мире.

Александр принял руку друга и тоже поднялся.

— Знаешь, Серёга, у меня такое ощущение, что ты мне чего-то недоговариваешь.

— Конечно, недоговариваю.

— И даже не собираешься объяснять?

— Всему своё время, Сашка.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.